

ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ

ПЕРВЫЙ ИЗ ДЕНИСКИНЫХ РАССКАЗОВ

Часть сборника: Мой лучший Новый год

Игорь Савельев

Первый из Денискиных рассказов

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Савельев И.

Первый из Денискиных рассказов / И. Савельев — «Эксмо»,
2018

В календаре есть особая дата, объединяющая всех людей нашей страны от мала до велика. Единый порыв заставляет их строгать оливье, закупать шампанское и загадывать желания во время боя курантов. Таково традиционное празднование Нового года. Но иногда оно идет не по привычным канонам. Особенно часто это случается у писателей, чья творческая натура постоянно вовлекает их в приключения. В этом сборнике – самые яркие и позитивные рассказы о Новом годе из жизни лучших современных писателей.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Савельев И., 2018
© Эксмо, 2018

Игорь Савельев

Первый из Денискиных рассказов

*Бары открыты всю ночь. После церкви заглянем в бар.
«Счастливого Рождества», – слышно со всех сторон.
В баре не слишкомлюдно. Сейчас миллионы пар после пьянки и
секса,
проваливаясь в сон, смотрят в экран на понтифика – слишком
стар.
Мы никогда не будем такими, как он.
Борис Херсонский*

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Савельев И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

* * *

Тридцать первое декабря. Без пяти или, может, десяти двенадцать, в смысле – полночь. В смысле – Новый, 2016 год. За окном уже начинают бухать (с ударением на первый слог) ранние салюты и петарды, обладатели которых не смогли дальше сдерживать себя. А впрочем, почему на первый. Я стою в кухне и то ли чищу картошку, то ли уже поспешно кромсаю ее, начищенную, на богато умощенный лист. Ветер сюда не доносит мне звуков русских военных плачущих труб. В смысле, из телевизора, вещающего в зале, мне едва слышно, как предновогодний концерт – суетливо ускорившийся перед заветным часом – главных звезд, провожавших нас еще в 1984-й, их проскочили петитом, – сменился на торжественные предновогодние фанфары. Какое-то размашистое духовое «па-пара-ра...», которое – стоит сейчас найти и прослушать «ВКонтакте» – вызывает все тот же праздничный спазм всего внутри, идеально отработанный рефлекс русского человека. Между прочим, как я незадолго до того и с удивлением узнал, эта отпечатанная в подкорке миллионов мелодия, вообще-то, не имеет отношения к Новому году. Ею сопровождают любой выход президента на торжественное мероприятие, она начинает звучать с открыванием шестиметровых золотых дверей или обычных дверей, и она – всего лишь – нечто вроде позывных, «пик-пик-пик» перед включением радиоточки. Это я как-то попал на жутко пафосный съезд писателей, главной интригой которого было выступление Путина (все ожидали от него то ли закручивания гаек, то ли переделкинских дач), и стоило зазвучать этим аккордам, половина сидевших (вернее, уже стоявших) в зале рефлекторно дернулись, потому что в поджелудочной, в точном следовании павловским законам, им не к месту и не ко времени екнул Новый год.

Итак, звучат фанфары, после чего начинает вещать президент. Остались последние минуты до события, к которому все неделями так радостно готовились. В большинстве квартир – это видно по горящим окнам – уж истосковались за ранними столами, куда уселись провожать 2015-й и смотреть концерт, оценивая ботокс, костюмы и макияжи; в этих квартирах уже раскручивают проволоку на шампанском. Мы с Леной (а в дальней комнате спит Денис) – без блюд на незастеленном столе (может, был один салат), и вряд ли та картошка, которую я панически пытаюсь отправить в духовку, может как-то это исправить. Я не уверен сейчас даже, что у нас имелось шампанское, потому что в стрессовой ситуации память стирает все самое главное.

Краем уха слушая державные речи и быстро-быстро кромсая, умом понимая, что это уже не надо, ибо не успели, – я и подумать не мог, что год спустя буду описывать эту минуту как самый счастливый Новый год в жизни. Вернее, я бы равно удивился двум вещам: вот этому самому и тому, что однажды сяду за текст в жанре святочного, он же рождественский, рассказа.

Великая Википедия, которая заменила нам все – от Библии до учебника Томашевского, – сообщает, что главное в этом жанре – атмосфера чудесного изменения мира или героя, светлый финал, в котором неизменно торжествует добро. «Герои оказываются в состоянии духовного и материального кризиса, для разрешения которого требуется чудо. Чудо реализуется здесь не только как вмешательство высших сил, но и как счастливая случайность, удачное совпадение, которое тоже в парадигме значений календарной прозы видится как знак свыше... Сложившаяся со временем и ставшая традиционной схема рождественского рассказа предполагает нравственное преображение героя, которое должно происходить в три этапа (отражая три ступени мироздания); соответственно, и хронотоп такого рассказа обычно также имеет трехуровневую организацию». О'кей.

Вот уж никогда не мог применить к тому, что я пишу, пряничную формочку типа «торжествует добро» и прочего «светлого финала». Наоборот, после выхода нескольких повестей и романов критика даже утомилась повторять, что «герои всегда терпят поражение» или что-нибудь в этом духе. Критика, этот неведомый зверь, за которым я наблюдаю издали и с любопытством, всегда любила порассуждать о том, что мой герой – человек слабый, которого только доламывает жестокий внешний мир, даже если этот герой решается на протест... Но тут нужно остановиться, потому что эту синтетическую лапшу из гладких формулировок я и сам умею производить километрами.

Дело даже не в этом. За «своим героем» я наблюдаю обычно еще более издали и с еще большим любопытством, чем за изгаляющимися – позже – критиками. Более того, я стал замечать (отстраненно, редактируя позже текст), что отношусь к нему все более иронично зло. Я уже просто не могу сдержаться, чтобы не приложить его побольнее авторским сарказмом, даже запрятанным между строк. Но это, наверное, уже к психиатру. Главное же – что мне всегда хочется написать что-то... что-то... Что-то совсем не то, что в итоге даже не «выходит из-под пера»: даже придумывается. Щелк, и в голове образ будущего романа, пусть самое крохотное зернышко, – и я уже вижу: это будет то, о чем критик напишет про «упадничество» и «поражение», то, что не мое, откуда оно взялось? Но берется снова и снова «оно», чужое, а мое – все не приходит.

Это было «второе», а «первое» – то, что я никогда не подумал бы, что самый суматошный Новый год может вдруг стать самым счастливым... Впрочем, с другой стороны, это было вполне в нашем с Леной стиле – и когда Дениса с нами еще не было. Чего мы оба, кажется, не могли терпеть, так это затянувшейся предновогодней суеты – не праздничной, волнующей, расцвеченной гирляндами от каждого магазина, когда ты торопишь себя – быстрее, быстрее, сделай все, осталось три дня!.. – а такой, степенно-рутинной, как будто встретить Новый год – это пройти аттестацию на классный чин действительного государственного советника Российской Федерации.

Когда в моду вошел «ВКонтакте» и все принялись создавать беседы и чатики, вместо того чтобы попросту обсудить все при встрече, возникла и «новогодняя» мода: начинать изматывающее своей бессмысленностью обсуждение предстоящей ночи еще чуть ли не в октябре. Вот есть хорошая пословица – «воду варить». Какой Новый год, где он? – еще только ложится снег (у нас на Урале – раньше), ложится-ложится, да все никак не ляжет; праздника хочется, как и настоящих зимних, солнечных, блестящих, с морозом дней, но всерьез обсуждать, кто, к кому и с кем пойдет – безумие. И вплоть до того, какие салаты готовить и какие напитки брать... Это, конечно, уже не в октябре, и снег уже вполне себе лег, но мы убегали от этого, как могли. Предпочитая решать все с Новым годом – где, с кем, у кого – когда 30-го, а когда и утром 31-го. Монументальность праздника, к которому полагалось так долго и серьезно готовиться, как будто он уже несвеж и заправлен тяжеленным майонезом, оскорбляла. Нет, нет. Только летящая – надеюсь, что европейская – легкость.

«Убегали» – прекрасное слово: даже договорившись уже обо всем и даже взяв на себя повышенные обязательства по салатам (которые, кстати, кровь из носу исполняли), мы редко когда успевали прибыть к праздничному столу не накануне курантов. Одиннадцать вечера, наверное, был наш рекорд, а так, бывало, что мы мчались на шальном такси и без пятнадцати полночь и вбегали в лифт с Путиным, Медведевым, снова Путиным; врывались за стол практически с надтреснутым кремлевским боем. И в этом состояла своя, особая прелесть. Адреналин, что ли? – вдруг не успеем? – но и целуясь в темном такси, мчащемся по замершим улицам, как на ралли, мы ведь не переживали, что можем не успеть. Никогда не переживали и ни разу не опоздали. Мы с самого начала были не прочь встретить этот миг, этот год вдвоем – хоть на опустевшей – вымершей на этот краткий миг, пока с фейерверками все вновь не выбежали, – улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.